

Мария ИЛЬИНА

МАЧЕХА

Рассказ

Мне десять лет и четыре месяца. Меня зовут Кристина, Крис, Криска или даже Крыска. Но это не страшно, дразнилок я не боюсь. Я боялась только серого Гоблина из мультфильма. У него большая голова, впалые щеки в белых полосках, крошечные сморщенные губки и глаза как у филина. А тело — серое и костлявое, без мяса и жизни.

Стоило мне лечь в постель и закрыть глаза, как начинало казаться, что он где-то рядом. Я вставала, заглядывала под кровать, чтобы точно знать, что его там нет, а затем раздвигала шторы, включала ночник — маленький оранжевый полумесяц с улыбкой и глазками, открывала пошире дверь и только потом засыпала. И так продолжалось целый год и пять месяцев, с того самого момента, как...

Тут надо по порядку, чтобы понятно было. Мы жили тогда в поселке, в Донецкой области, в зеленом деревянном доме с большим садом, где цвели круглые розовые шаррики гортензий. Это мама сажала, она много всего здорового делала, только я не ценила, будто это само собой, как воздух и тепло в батареях. Но я отвлеклась. Тогда я сидела на кровати и смотрела мультик про Гоблина, мама на кухне варила борщ со щавелем, а вдалеке привычно постреливали, как всю мою жизнь.

...Вдруг что-то грохнуло в другом конце дома; показалось, что далеко, ведь дом-то большой и длинный. Мама с криками бросилась меня уводить, а я завозилась, будто Гоблин не отпускал.

Когда мы выбежали во двор, дом полыхал, как дрова в мангале. Мама радовалась, что успела меня вывести, и все совала мне игрушку, которую мы сшили накануне. Вот и сейчас — кукла сидит рядом со мной на столе и строго смотрит вышитыми голубыми глазками; она не даст мне соврать, ведь тоже все видела! Все должно было быть хорошо, если бы не доллары, целый пакет под половицей на кухне. Родители квартиру и машину продали, деньги на переезд готовили. Я все удивлялась, чем американские деньги лучше наших. Они ничего не говорили, только улыбались, будто я маленькая.

Когда мама поняла, что мне и отцу, который на работе был, ничего не грозит, тут же про деньги вспомнила. Кричать стала, что у нас больше нет ни копейки, а потом в дом бросилась. Я стояла как зачарованная, с места сдвинуться не могла, только сжимала куклу и ждала, когда мама появится на крыльце. Потом крыша упала, искры разлетелись, как в мультике, а я все ждала, когда она выйдет. Долго ждала: дом успел выгореть, пожарные приехали, полиция и отец. Мужик в форме потащил меня куда-то, глупости болтал, что не надо больше ждать! Как это не надо, если моя мама там?! Ну, я и укусила того дядьку, что за руку меня тянул, прямо до крови! И к дому побежала.

Мария Александровна Ильина родилась в 1976 году в Москве. Окончила Российский государственный медицинский университет, кандидат медицинских наук, врач-психиатр. Автор двух книг. Живет в Щелковском районе Московской области.

А что дальше было, не помню. Помню только его волосатый палец в крови и жар от огня. А больше ничего, как вырубил.

...А маму я все равно жду, и пусть все говорят, что она умерла. Я не верю и все равно жду, всем им назло жду. Хотя папа увез меня далеко-далеко. Сначала у чужой тетки в Донецке жили, я ревела с утра до ночи и маму звала, а тетка мне таблетки совала. С таблетками спать хотелось, но Гоблин мешал. Гоблин все не отставал, а мама не возвращалась.

Затем отец знакомого по Интернету нашел и так развеселился, будто мы в момент до пожара вернулись, как в сказке. Он все бегал по комнате и кричал: «Во дает Петро — в Россию, зараза, свалил и как сыр в масле катается! И нас перетащит! Слышишь, Крис?» Еще бы не слышать, если он так кричал раз десять, а то и больше. Даже голова заболела. Но я не хочу, чтобы какой-то зараза нас куда-то тащил. Не хочу — и все.

Но кто меня слушает?! А этот зараза не соврал: и с документами помог, и с переездом в Россию, и с квартирой в Подмоскowie. Не знаю, может, и не зараза он вовсе? Вроде веселый дядька, все приколы рассказывает и ржет. Но не нравится он мне, и город не нравится, и квартирка, тесная, как клетка, тоже не нравится. Все не нравится. За окном шоссе и машины все время стоят или тихонько ползут. Разве так можно жить? Дома было в сто, в тысячу раз лучше! Но отец не понимает, говорит: «Москва! Москва!» И радуется, будто ему «Чупа-чупс» в шоколаде дают! Возил меня туда, Арбат показывал, Красную площадь и огромный мост со стеклянными перилами над большой рекой. Глянешь вниз — жутко делается: всюду камень, даже река вся в камне, как сточная канава в трубе, а дома торчат, как драконьи зубы. А отец просто влюбился во все эти камни, даже жениться решил, не на Москве, конечно, а на женщине из Щелкова.

Ее тоже тот дядька нашел. Пригласил нас в гости, мне мороженое сунул, себе и отцу пива налил — и как скажет: «Все, ты женишься! Такую бабу тебе нашел, просто джекпот! Квартира, прописка, работа — все будет!» Повторил три раза, как для тупых, по ляжке себя хлопнул и заржал. Папа аж пивом подавился. А я мороженое Петру на брюки сбросила и заорала: «Какая еще мачеха? Нет — и все!» И к выходу бросилась, папа бегом за мной.

Побежать-то он побежал за мной, но мысль эта с женитьбой крепко к нему прилепилась.

И стал отец говорить, что только для меня старается, прямо собой жертвует, чтобы я рядом с Москвой жила. Даже слушать противно! Будто серые камни и чужая тетка мне маму заменяют! Смешно! Даже кукла улыбается той загадочной улыбкой, что мама ей сделала.

Отец прямо извелся весь: так хочет меня с мачехой подружить. Будто верит, что это возможно, а еще взрослый человек называется! Теперь, когда мамы нет рядом, я все чаще вижу, что у взрослых капризов больше, чем у детей, только они их целями и планами зовут, чтобы серьезными казаться.

Ну да ладно. Согласилась я с его невестой один разочек по телефону поговорить. Одного раза мне хватит, я большая уже, такие слова знаю, что мало не покажется! Так поговорю, что ей больше не захочется! Знаю я этих взрослых; они чужих вредных детей сильнее, чем крыс, боятся! Брезгают и боятся, как бешеных зверей. Вот и эта Алиса пусть боится и держится от нас подальше.

...Я так думала, а вышло все по-другому. Не помню даже, сказала ли я ей те слова, что на бумаге не пишут. Важно, что говорила она. И все выходило, будто я ей интересна, будто знает она о моей жизни больше, чем отец. О том, что в классе я самая маленькая и чужая и дразнят меня все, кому не лень. Папа ни разу за весь учебный год

не поинтересовался, как я здесь живу, а она сразу спросила — и прямо в точку. И почему только в России дети в школу идут на год позже?! В Украине в шесть лет, а здесь в семь. Для взрослого один год — пустяк, а для ребенка — пропасть, не обойти, не перепрыгнуть. Кто это сказал первый, я или Алиса? Неважно, главное, поняли мы друг друга. И говорили дальше, как подружки, про мой пятый класс, где все уже здоровые вымахали, а я маленькая, как крыска, которой меня дразнят.

Потом мы болтали каждый день обо всем на свете, даже о футболе, в который Алиса обещала со мной играть, как мама когда-то играла. Вообще, это странно: женщины обычно не любят футбол, а мне он нравится. Играю я лучше мальчишек, даже тех, кто сильнее и больше. Я бросаюсь вперед, и ничто и никто меня не удержит. «Вот крыса!» — кричат враги. Ну и пусть кричат. Крыса — сильный, умный и храбрый зверь.

Ой, я опять отвлеклась. Главное, что с Алисой мы как-то подружились — по телефону, ни разу не увидев друг друга. Я ждала ее звонка и глядела на аватарку в ватсапе. Там была красивая розовая гортензия, как та, что когда-то цвела около нашего крыльца.

...Прошло два месяца. Свадьба уже послезавтра; скоро я увижу Алису, и мы будем играть в футбол. Я была уверена, что в жизни она мне тоже понравится. А вот отец приуныл и уже не так рвался в загс. Я спросила: «В чем дело?» Он наговорил кучу непонятных слов. Одно было ясно: Алиса больна какой-то странной болезнью. Подумаешь, важность! Правда, из всех болезней я знала только сопли, кашель и понос. Ну, еще у совсем стариков бывает давление и сердце. Но Алиса не совсем старая, ей тридцать два.

На свадьбу я надела нарядное синее платье, хотя оно стало сильно коротким. Ничего, главное — его мама мне выбирала, и ей оно очень нравилось. Куклу я тоже взяла с собой, ведь маму я все равно жду. Алиса — это хорошо, но мама лучше.

Мы с отцом и его товарищем сидели в холле загса; отец терзал смартфон и не смотрел на меня. Вдруг папа вскочил и рассыпал по полу белые розы. Как же он не догадался их связать? Я собрала цветы, начала совать их отцу — и тут увидела ее. Несчастные розы снова полетели под ноги. Я, конечно, знала, что женщины бывают некрасивыми, старыми, толстыми, худыми, горбатыми, наконец.

Но это была не женщина, это был тот самый Гоблин, только с длинными волосами и в белом платье. Она была ростом с меня; тело как скелет, вместо головы — обтянутый кожей череп, щеки-ямки и белые полоски на лице. Я уже открыла рот, чтобы завопить громко и дико, как Соловей-разбойник, но она подняла свой длинный костлявый палец и начала говорить.

Я сейчас не вспомню, что именно она сказала, только это снова была Алиса — единственный человек, которому со мной интересно. Что до внешности, я поняла, что это болезнь — склеродермия — и это не лечится. А Гоблин исчез, растаял, как привидение, и больше не приходит ко мне по ночам.

Мы начали жить втроем. Алиса с отцом прекрасно уживаются. Каждый вечер они говорят о политике, Украине, устройстве машин и прочих скучных вещах, которые так нравятся папе. Со мной она учит уроки и играет в футбол, как обещала. Недавно я рассказала ей, как шила игрушки моя мама, и Алиса тоже купила иголки, нитки и разноцветные тряпочки. Теперь моя кукла сидит на розовом пони и держит в руке копые, чтобы прогнать всех злых ночных духов.

Я-то Гоблина больше не боюсь, а вот папа побаивается; верно, потому и не решается спать с Алисой в одной комнате, ночует в столовой. В остальном — он молодец, работает, старается. Алиса счастлива, ведь она всю жизнь мечтала о семье: о муже и дочке, похожей на нее до болезни.